

отрицал языческого происхождения Севира, он (без сомнения, умышленно) оставлял у своих читателей впечатление, что его герой был христианином.

Изучение наследия Захарии в целом и «Жизни Севира» в частности активизировалось в последние годы (текст, изданный Кугенером в 1904 г., переиздан в 1993 г.; недавно вышло сразу два английских перевода: Амбьорн, 2008; Брок-Фитцджеральд, 2013), и это не может не радовать, так как данный текст является важным источником по истории высшей школы в ранней Византии (Watts, 2005; Болгова, 2018), в частности, относительно александрийской риторики, филопонов, школы Гораполлона, школы права в Берите, характера обучения и повседневной жизни студентов. Весьма ярки картины финальной борьбы с языческими идолами в Египте (пп. 33–34), эпизоды религиозной борьбы и монашеской жизни в Газе (пп. 129–147), магических практик в высших школах и др. Написанное живым языком свидетеля и участника событий, данное сочинение, несомненно, привлечет внимание исследователя ранней Византии.

А. М. Болгова

Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород)

Беритская школа права в изображении Захарии Схоластика

Как известно, ведущей школой права в Ранней Византии была юридическая школа в Берите (Collinet 1925; Hall 2005). Берит привлекал студентов, которые хотели освоить римское право у самых известных профессоров. Захария Схоластик в «Жизни Севира» использует термин «мать законов» (ср. в Дигестах: *legum nutrix*, «питательница законов»). В своем сочинении он упоминает о студентах-законоведах из Армении, Малой Азии, Египта, Иллирии, Ликии и других регионов, которые обучались в Беритской школе.

В «Жизни Севира» Захарии Схоластика мы находим самый обширный круг сведений о городской жизни и школе позднеантичного Берита. Это сочинение – отчасти биография, отчасти памфлет – было написано человеком, бывшим беритским студентом, поэтому ему можно доверять как в целом, так и в основных деталях. В «беритской» части этой работы (пп. 74–102) подробно описан конфликт из-за «магических книг», в который оказались втянуты четыре основные группы населения (имперские чиновники, церковные служащие, городские жители, поселяне), а движущей силой конфликта стали беритские студенты-филопоны («трудолюбые»), которые со второй половины V в., когда они впервые появились в Александрии, не только обучались сами, но и ревностно следили за тем, чтобы содержание образования в высших школах империи не сопровождалось языческими религиозными практиками (при сохранении в значительной мере его классической основы).

Собственно, сама «Жизнь Севира» была написана как ответ на непристойную брошюру, выпущенную противником Севира, в которой утверждалось, что в студенческие годы в Берите тот принимал участие в языческих жертвоприношениях.

Захария подробно описывает взятый из студенческой жизни Берита эпизод о студентах, которые были вовлечены в борьбу с языческими обрядами и магией. В нем идет речь как о некоторых студентах-юристах, которые увлекались магическими практиками, так и горожанах – бывших студентах, имевших юридические книги. В этом эпизоде Сефир действует в тесной взаимосвязи с другими христианами, так что создается полное ощущение того, что он также христианин, не уступающий самому вождю филопонов Евагрию в аскетизме (п. 73). Цель филопонов, в том числе и в Берите, заключалась в обличении и искоренении любых магических практик.

Захария называет имена некоторых студентов-юристов, которые приобрели в городе репутацию адептов магических практик. Это были Георгий из Фессалоники, Хрисаорий из Тралл, Асклепидот из Гелиополя, некий армянин, а также и другие, имевшие схожие наклонности. Они были помощниками Иоанна по прозвищу Сукновал, который происходил из египетских Фив. Они усердно занимались безбожной деятельностью (п. 74). Верхом их безбожия стала попытка убийства в магических целях ночью на ипподроме эфиопа-раба (п. 75). Интересна фраза о том, что «человек, который интересовался магией, был известен практически всем, кто изучал право в городе» (п. 77); он и был главным участником этого инцидента. Далее следует замечательная сцена, в которой группа филопонов терпеливо и вежливо вынуждает этого хозяина магических книг, египтянина, раскаяться, признаться в преступлении, добровольно выдать их и собственноручно сжечь (пп. 80–83). Через этого египтянина вскоре были установлены и все остальные владельцы магических книг (п. 87–88). Особенно досталось магистру Леонтию за увлечение астрологией (п. 89). Далее рассказывается о кознях лже-мага Хрисаория (пп. 95–102).

Из сочинения Захарии мы также узнаем о том, что студенты-новички в Берите назывались *dipondii* (термин имеет неоднозначное значение, поскольку латинский *dipondii* обычно относится к низкому жалованью, которое получают новобранцы) и подвергались целому ряду неформальных «ритуальных» воздействий со стороны *ediktalioi*. Это были студенты второго курса, называемые так потому, что их основным текстом для обучения были *Libri ad Edictum* Ульпиана (Collinet 1925, 99; MacAdam 2001/2, 212–213). Захария специально подчеркивает, что при этом не приходилось мириться с чем-то постыдным, но старшие студенты делали это просто для смеха, ради шутки (п. 62). Захария, поступивший в школу на год позже, думал, что Сефир будет особенно склонен к такого рода обычаям, но, к счастью для себя, ошибся.

Захария отмечает, что он сам поступил в школу Леонтия, сына Евдоксия, самого авторитетного, по его мнению, профессора права в то время (конец V в.). Этот Леонтий фигурирует в Кодексе Юстиниана (CJ 1.17.2.9). Помимо этого, он известен только из текста Захарии (PLRE II, 672 «Leontius 20»; Collinet 1925, 147–149; Szabat 2007, 275). Также из этой главы становится ясно, что «большая» школа права в Берите могла делиться на ряд более мелких «школ», связанных с тем или иным преподавателем.

После занятий студенты-христиане (в том числе Захария) отправлялись в близлежащий храм Анастасии (п. 63), чтобы помолиться, а затем могли отправиться в церковь Марии Богоносной в центре города, расположенную недалеко от гавани. В п. 71 упоминается также церковь Воскресения. Возможно, Анастасия является испорченным Anastasis, церковью, которую Захария (Hist.Eccl. IV.9) отождествляет с храмом, который был построен епископом Евстафием в середине V в.

Самоидентификация в качестве студентов-юристов и будущих юристов была важна для молодых людей, стремящихся стать «схоластиками» в Берите. Севир и Захария определяли себя, прежде всего, как студенты юридических факультетов и будущие адвокаты с самого начала своего пребывания в Берите. Их самоидентификация сменилась на образ религиозных аскетов в ходе их проживания там. Тем не менее, интересно, что Севир и Захария, обычно посещавшие храм Марии Богоносной, специально посетили другую церковь с конкретной целью – возможностью брать там книги из библиотеки одного из священнослужителей.

С. Г. Бочаров

Институт археологии имени А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань)

Археология генуэзской Газарии. Введение в научную проблему

Генуэзская республика в XIII–XV вв. в Северном Причерноморье создала цельную систему городов и торговых поселений. В политическом отношении последняя стала особым государственным образованием на краю Европы, подчиненным Генуе и основанным на Золотоордынских землях. Это государственное образование наряду с Золотой Ордой (позднее Крымским ханством) и Византийской империей (позднее Османской империей и княжеством Феодоро) определяло политическую обстановку в Северном Причерноморье и влияло на все значимые события в регионе.

Данная система возникла не сразу и развивалась в несколько этапов. В своем завершенном виде к концу XIV в. она состоит из городов и поселений в дельте Дуная (Килия и Ликостомо), северном берегу Черного моря (Маврокастро, Зинестра, Иliche), Азовского побережья и дельты Дона (Портети, Пала-